

Ляман БАГИРОВА

*"Не надо забывать,
Что переводы
Должны не рознить,
А сблизать
Народы..."*

Б.Заходер

Когда-то давно и, кажется, уже совсем в другой жизни учительница природоведения в школе, объясняя нам различие между живой и неживой природой, поведала, что к живой относятся растительные и животные организмы, а к неживой - реки, моря, овраги и камни.

В 3-м классе принимаешь на веру все, что говорит учитель. Немедленно пожалев бедных представителей неживой природы, я тут же представила себе огромное разнообразие камней. Громадных и крохотных, потрескавшихся от старости, и гладких, как кожа младенца, излучающих и поглощающих свет, всевозможных форм и расцветок от пемно-белой и нежно-розовой как морская раковина, до темно-серой с ржавыми разводами - цвета печали, цвета вечности. Знала ли я, что почти через сорок лет снова испытаю это чувство соприкосновения с вечностью, бродя мимо серых плит Александрово-Невской Лавры?.. Но обо всем по порядку.

Редкий питерский дождь тихо сыпал на покрытый наледью асфальт. Мы стояли перед некрополем Александрово-Невской Лавры и ждали экскурсовода. Им оказалась миниатюрная миловидная девушка, и экскурсия началась.

Хорошо поставленным мелодичным голосом она произносила заученные фразы. Маршрут был проложен мимо наиболее примечательных захоронений Лазаревского кладбища - на нем нашли многие знаменитые люди XVIII века - Ломоносов, сенатор и писатель А.А.Столыпин, архитектор Андрей Воронихин. И там же похоронена Наталья Николаевна Ланская (в первом браке - Пушкина).

Перейдя через дорогу к монастырю, оказались на Тихвинском кладбище. Его еще называют Некрополем мастеров искусств. Там мы задержались дольше. Какое-то сладостное благоговение наполняло меня, словно заново и с невероятной силой открывался смысл давно знакомых строк В.А.Жуковского, чья могила тоже была здесь:

*Не говори с тоской, - их нет,
Но с благодарностью были.*

СЛАДЧАЙШИЕ МЕДА

- А вот могла всем известного поэта-баснописца И.А.Крылова, 250-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 2019 году. Как видите, подробный памятник представлен в виде пилона из темно-серого камня, на котором высечено имя поэта и даты его жизни. Пилон как форма памятников восходит к древнеримской традиции. А рядом - обратите внимание! - уже другой пилон. Это могила поэта и переводчика Николая Ивановича Гнедича. Под портретом надпись: "Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира. Речи из уст его вещей сладчайшие меда лилися". О чем же говорит эта надпись?

- О том, что он считался лучшим переводчиком "Илиады" Гомера на русский язык, - тихо сказала я.

- Верно. Как видите из дат жизни и смерти, в 2019 году 13 февраля отмечается 235 со дня его рождения, а умер он в 1833 году 15 февраля в возрасте 49 лет. Ну, а дальше, пройдемте к могилам историка Н.М.Карамзина и поэта В.А.Жуковского.

Группа тихо двинулась по шуршащим гравием дорожкам. Я задержалась около памятника Н.И.Гнедичу, вглядываясь в профиль на камне. Дождь усиливался, оставляя по пилону разводы. Словно темно-серые слезы на темном граните. "Помните, не забывайте, не забывайте", - шелестел дождь. Струились слезы по памятнику, бороздили надпись: "Речи из уст его вещей сладчайшие меда лилися". И захотелось вспомнить, ибо память о мертвых - совесть живых...

* * *

Родился будущий писатель в Полтаве 13 февраля (2 февраля по старому стилю) 1784 года. Родители его были людьми родовитыми, но очень бедными. Маленький Николай очень рано потерял мать, а потом и сам оказался один на один со смертью. Оспа, прививки от которой еще не были распространены в то время (первую в России противосспенную прививку сделала себе Екатерина II в 1768 году), свирепствовала безжалостно. Большинство тех, кто выживал после этой болезни, оказывались изуродованными. Возможно, поэтому в старину пользовалась популярностью полная форма известной поговорки: "Пройти огонь и воду, медные трубы, чертвы зубы, Крым и рым". Под "чертвыми зубами" подразумевалась болезнь, и большей частью оспа. Именно она оставляла на теле и лице выжившего человека следы-шрамы.

Недуг не только изуродовал лицо будущего поэта и переводчика, но и лишил его правого глаза. Но - видно и впрямь в природе всегда работает закон баланса - обделив в чем-то одним, она воздает сторицей в другом. Гнедича формировали и воспитывали книги и люди, читавшие и почитавшие "чтение доброе". Отец Гнедича завешал полтавской гимназии 1250 томов библиографических изданий, а ректором "словенской семинарии", где

учился будущий переводчик "Илиады", был специалист по древним и европейским языкам.

В 1793 году мальчик отправляется на учебу в Полтавскую духовную семинарию, а через пять лет было решено перевести эту школу вместе с учениками в Новомиргород из Полтавы. Узнав об этом, отец Николая забрал сына из учебного заведения и послал в Харьковский коллеgium. Эта была самая лучшая украинская школа в то время. Коллеgium будущий поэт окончил в 1800 году, после чего уехал в Москву и поступил в Гимназию Московского университета в качестве пансионера. Но уже через несколько месяцев юношу за прекрасные успехи в учебе перевели студентом на философский факультет, который он блестяще окончил в 1802 году.

1802-й был знаковым для Гнедича - он впервые увидел плоды свои перевод-

ческой деятельности в печати. Это была трагедия "Абюфар" Ж.Дюсиса. В это же время публикуется и собственное произведение 18-летнего писателя - повесть "Мориц, или Жертва мнения". А через год в свет выходят два перевода из Шиллера (любовь к этому поэту Гнедич пронес через всю жизнь) - роман-трагедия "Заговор Фиеско" и "Дон Коррадо де Герера". О молодом переводчике и поэте заговорили как о многообещающем авторе. Но слава, как и любовь, не всегда дружит с деньгами. Их катастрофически не хватало, и планы на дальнейшую учебу были оставлены. В том же 1802 году поэт переезжает в Санкт-Петербург, где определяется на службу в департамент народного просвещения. Там он прослужит до 1817 года.

Все свободное время писатель уделял занятиям театром и литературой и достиг в этой области больших успехов. Глубокий проникновенный голос, огромная начитанность, умение артистично преподнести материал открыли перед Гнедичем двери дворцов графа Строганова и президента Академии художеств

А.И.Оленина. Благодаря покровительству последнего (их объединял общий интерес к античному искусству) Гнедич в 1811 году был избран в члены Российской академии и назначен библиотекарем публичной библиотеки в отделении греческих книг. Улучшилось материальное состояние, появилось больше свободного времени. Гнедич познакомился с Пушкиным, Крыловым, Жуковским, Державиным и некоторыми будущими декабристами. Именно Гнедич оказал влияние на декабристов, искавших в современности образ поэта-героя. Таким он и предстает в речи Гнедича: "Чтобы владеть с честью словом, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом. Поэт не должен отделять любви к славе своей от любви к благу общему".

Само дело литератора Гнедич определял как подвиг и относился к нему с благоговением: "Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства". А "...изучение древних, питая и укрепляя разум, облагораживает и душу. Она растет и возвышается с великими мужами".

В 1807 году Николай Иванович приступил к главному делу своей жизни - переводу "Илиады" Гомера.

"Сладчайшие меда" поэмы возникли не сразу. Вначале Гнедич стал переводить "Илиаду" александрийским стихом - шестистопным ямбом. Фактически он продолжил дело первого стихотворного переводчика "Илиады" Ермила Кострова. Тот перевел первые шесть песен гомеровской поэмы александрийским стихом. В 1809 году Гнедич издает седьмую часть поэмы в том же размере.

Но уже в 1812 году он отдал предпочтение гекзаметру - незаслуженно забытому шестимерному античному стиху. До этого времени гекзаметр в своих стихах использовал только В.К.Тредиаковский, а его слог был очень трудным. Обращение Гнедича к гекзаметру можно считать своеобразной революцией в переводе. По собственному выражению Николая Ивановича, он "имел смелость отвязать от позорного столба стих Гомера и Вергилия, привязанный к нему Тредиаковским".

Поэт мужественно уничтожил шестилетний труд, и только в 1829 году вышло полное издание "Илиады", переведенное размером подлинника. Публикация вызвала восхищение современников. Пушкин написал о поэме восторженные строки:

*Слышу умолкнувший звук
божественной эллинской речи;
Старца великого
тень чую смущенной душой.*

Правда, он же затем прошелся по переводу схищной эниграммой:

*Крив был Гнедич-поэт,
предложитель слепого Гомера,
Бокам одним с образцам
слож и его перевод.*

И, тем не менее, Пушкин оставался одним из самых горячих почитателей перевода Гнедича.

